

времени и в памятниках прошлого. Вполне естественно предположить поэтому, что он и использовал некоторые из известных ему памятников в процессе своей работы над «Задонщиной». В центральной части своего произведения он более всего использует «Слово о полку Игореве», которое всецело захватило его как своей идейной глубиной, своим патриотизмом, так и совершенством художественной формы. Но и его он использует очень своеобразно и, кроме того, неравномерно. В других же местах, главным образом во вступлении и заключении, автор «Задонщины» мог иметь и, конечно, имел уже иные источники, как Повесть временных лет, «Летописная повесть» о Куликовской битве, некоторые памятники рязанской литературы и другие. Здесь, не пользуясь «Словом о полку Игореве», он освобождался от его обаяния, выходил из-под влияния «Слова», писал более свободно, по-своему, по-современному, приближаясь к манере исторического повествования XIV—XV веков.

В. П. Адрианова-Перетц допускает возможность того, что начальная беседа или совещание на пиру, которым открывается «Задонщина» в полных списках, — своеобразный эпический прием. «Вполне вероятно, — говорит она, — что мысль начать рассказ о Мамаевом побоище беседой на пиру перед самыми событиями могла быть подсказана обычным зачином многих былин».¹ Но даже в этом случае, если мы имеем здесь эпический прием самого автора, «речь великого князя в предисловии, без сомнения, составлена начитанным книжником и никакой близости к стилю Софонии не обнаруживает».² Но почему же Софония, который в известной мере тоже был «начитанным книжником», сам не мог написать предисловия в книжной манере, пользуясь не «Словом о полку Игореве», а другими книжными источниками? Этим и могла бы быть объяснена разница между началом и дальнейшим изложением «Задонщины».

Желая подчеркнуть, что предисловие и центральная часть «Задонщины» писаны разными лицами, В. П. Адрианова-Перетц указывает, что предполагаемый ею автор предисловия говорит о нем как о заново составленном: «преже в описях»; о самой же «Задонщине» (т. е. центральной ее части) он говорит как о списанном, чужом произведении: «потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу».³ Однако глагол «списать» в древнерусском языке обозначал не только «списать», «переписать», но и «написать», «сочинить», «описать».⁴ Таким образом, приведенные фразы предисловия следует читать так: «Сперва я описал жалость земли Русской и прочее, от книг приводя (т. е. на основании книг, — А. Н.). Потом же написал (или сочинил, — А. Н.) жалость и похвалу великому князю...» и т. д. Иначе говоря, здесь один, тот же самый автор рассказывает о той последовательности, в которой он создавал свое произведение.

Настоящая попытка реконструкции авторского текста «Задонщины», предпринятая В. П. Адриановой-Перетц, как и предшествующие попытки

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 172.

² Там же.

³ Разрядка В. П. Адриановой-Перетц.

⁴ Убедительные примеры из памятников см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, столб. 792. Добавлю еще начало авторского послесловия из «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того же града» (В. И. Малышев. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, стр. 24. Разрядка наша, — А. Н.) Такое значение глагола «списать» («написать», «сочинить») встречается и гораздо позже, ср., например, слова юноши Пушкина о Фонвизине как авторе «Недоросля»: «Творец, списавший (разрядка наша — А. Н.) Простакову» («Тень Фонвизина», 1815 г.).